

Из “Книги воспоминаний”

Юрий
КЛЮЧНИКОВ

Ещё одно событие того времени, которое произвело на меня очень большое впечатление, — это встреча с Альфредом

времени присылали друзья и знакомые. Что касается зрения, то смолоду слабое, оно окончательно исчезло лет десять назад. Все попытки восстановить ни к чему не привели, в том числе пребывание в клинике известного хирурга офтальмолога Федорова.

Я провёл у Хейдока два или три дня, понятное дело, в долгих разговорах. Человеку, захватившему

господства денежного мешка. К подлинному высокому масонству (а оно тоже есть!), проповедующему идею всемирного братства народов, они не имеют никакого отношения”.

И обратил моё внимание на две книги: “Правда о масонах” последователя рериховских идей русского офицера из Прибалтики Клизовского, впоследствии расстре-

тантинovicу отдавать какое-то блюдо.

— Что это? — спросил Рерих.

— Растительный пахтет, — не моргнув глазом, ответил хозяин.

Рерих поднёс вилку с пахтетом ко рту, но вдруг резко отбросил её, поблелел и высочил из-за стола.

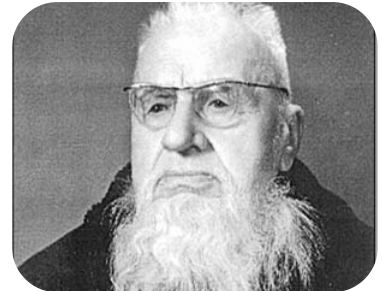
Пахтет оказался мясным, — заключил свой рассказ Хейдок. — А Николай Константинович не выносил даже запаха мяса.

Зашёл у нас разговор также и о лагерной жизни в Инте. На мой вопрос, что больше всего ему запомнилось из этого периода жизни, Альфред Петрович ответил коротко:

— Северные сияния. Такой красоты я никогда в жизни не видел. — А принудительный труд, обыски?..

— Это всё я оставил в прошлом, чтобы забыть навсегда. Впрочем, хорошо запомнил такой факт. Кольцо, которое подарил мне Рерих, и с которым я не расстаюсь никогда, в лагере пришлось снять с пальца и носить на шнурке на груди. И во время обысков “шмоны” руки охранников, ошупывающих мою одежду, всегда почему-то останавливались возле места, где висело кольцо. Также вели себя и руки уголовников, которые иногда шарпили по моим карманам ночью в поисках денег.

Отметить командировочные удостоверение я зашёл в Змеиногорский горисполком. Председатель

Хейдок и Живая Этика

тину. Позднее я познакомился с обеими работами.

Рассказал Хейдок о своих взаимоотношениях с Рерихом. Поскольку на эту тему материалы также опубликованы, я коснусь опять лишь некоторых частностей.

Рерих приехал в Харбин вместе с сыном Юрием в 1934 году. Желавших встретиться с известным во всем мире художником и культурным деятелем среди харбинской эмиграции оказалось очень много. Рерихи поселились в лучшей гостинице города, а Юрий Николаевич взял на себя роль секретаря и организатора встреч с Николаем Константиновичем. Таких встреч, обедов, приемов прошло тоже немало. Живейший интерес проявила к Рерихам и японская разведка, так как Харбин в ту пору контролировался ставленником японцев марионеточным императором Манчжурии Пу-И. Через свою русскую агентуру (а японцев открыто поддерживала фашистская партия, созданная в Харбине бывшими белогвардейцами) японские разведывательные органы хотели прощупать настроения популярного среди русской эмиграции художника, чтобы использовать его авторитет в своих интересах.

Кстати, японцы в ту пору не слишком скрывали планов нападения на Советский Союз. Результаты для японской разведки были неудовлетворительными — Николай Константинович открыто выражал симпатии к Советскому Союзу, не желая идти ни на какие контакты с его недругами. Эта закусочная борьба объясняет факты резко изменившегося отношения части русской диаспоры в Харбине к Рерихам после их отъезда в Индию. Всеобщий пиетет вскоре сменился ослепительным очертанием в марионеточных эмигрантских газетах. Художника обвиняли в отступлении от православия, от “русского пути”, в связи с масонами и т.д. Особенно усердствовал некий Василий Иванов, лидер русских фашистов.

К сожалению, подобный вздор темных личностей, которые не просто покинули Россию, но вступили в альянс с её врагами, повторяется и поныне в некоторых антитеррористических публикациях.

Интересный, чисто житейский штрих. “На одном из званных обедов, — рассказал Хейдок, — хозяин дома предложил Николаю Кон-

края был коммунист Игорь Вольфсон. После того, как ему не удалось стать депутатом в очередной раз, он с женой уехал из страны и несколько лет прожил в Израиле. В Израиле он, как обладатель российского гражданства, принимал участие в российских выборах. И голосовал, как ни странно, вовсе не за “родную” партию — КПРФ, а за либерал-демократов Владимира Вольфовича. Более того, многие известные оппозиционеры в своё время, столкнувшись с невозможностью найти работу, или отсутствием финансирования своих проектов, шли за поддержкой к Жириновскому. И очень многие получали и работу и поддержку. В общем, политика — не набор “пляшущих человечков” по заранее расписанной партитуре, а сложный и многоплановый процесс.

И работа “Сбитые лётчики” это убедительно доказывает.

У книги есть интересный и весьма интригующий подзаголовок — “История русского термидора”. Ещё одна быющая в “десятику” находка автора в море формулировок. Молотов убежден, что приход Путина и очистка политического небосклона — процесс не случайный. “Русский термидор”, который не мог не случиться, — новинка в нашей политологической терминологии. Это явление правление Путина — пока ещё слабо изучено. Автор предлагает свою версию оного и даёт ему обозначение. Было бы неплохо, если бы не вызвало споры и дискуссии, ведь какого-то, пусть

Хейдок и Живая Этика

де меню. И здесь содержится немой вопрос к политикам, которые подчас попадают в сети навязанных стереотипов и клише, будучи неспособными не просто выйти за флажки, но и взглянуть за оные.

Автор книги предлагает по-новому оценить действия некоторых политиков, их метания, странные заявления и политические ходы. И предлагает для этого несколько примеров, один из которых — повороты в судьбе одного из “сбитых лётчиков” — Виктора Антипова, который сегодня трудится советником у Владимира Жириновского.

Здесь я позволю себе привести пример из собственных наблюдений. Одной из ярких фигур Законодательного собрания Алтайского

края был коммунист Игорь Вольфсон. После того, как ему не удалось стать депутатом в очередной раз, он с женой уехал из страны и несколько лет прожил в Израиле. В Израиле он, как обладатель российского гражданства, принимал участие в российских выборах. И голосовал, как ни странно, вовсе не за “родную” партию — КПРФ, а за либерал-демократов Владимира Вольфовича. Более того, многие известные оппозиционеры в своё время, столкнувшись с невозможностью найти работу, или отсутствием финансирования своих проектов, шли за поддержкой к Жириновскому. И очень многие получали и работу и поддержку. В общем, политика — не набор “пляшущих человечков” по заранее расписанной партитуре, а сложный и многоплановый процесс.

И работа “Сбитые лётчики” это убедительно доказывает.

У книги есть интересный и весьма интригующий подзаголовок — “История русского термидора”. Ещё одна быющая в “десятику” находка автора в море формулировок. Молотов убежден, что приход Путина и очистка политического небосклона — процесс не случайный. “Русский термидор”, который не мог не случиться, — новинка в нашей политологической терминологии. Это явление правление Путина — пока ещё слабо изучено. Автор предлагает свою версию оного и даёт ему обозначение. Было бы неплохо, если бы не вызвало споры и дискуссии, ведь какого-то, пусть

Итак, свой чёрный берет есть у каждого из них. Она же — “псы государевы”: сплоснящиеся без дела опричники, которых не зовут к воеводскому столу, — “омонцы, нищербоды в камуфляжной форме”. Пусть не зовут, но скверну, татьбу и измену опричники выметать должны, так? Остаётся решить, кто виноват во всём, а это понятно с первого взгляда: виноват, кто занял лучшие места в кабаках подле лучших дех. Бандиты. И хоть омовцам невозможно “снимать маски”, обнаруживая свою служебную принадлежность, но город так мал, девятые так глухи, что либо конфликт, либо дружба с бандитами неизбежны. Получается конфликт.

Главная партия в этой уличной саге выпадает девушке, на мой вкус — лучшей девушке у Прилепина. Звать её Аглая, Глазня. Слово орхидея, что проросла на школьной клумбе — она должна цвести в совершенно ином месте. Таких цветов в России, слава Богу, хватает, и большинство из них давали бы повод для национальной гордости, если бы только у них была материальная, семейная почва, чтобы сохранить себя.

Так вот, бедные, как церковные мыши, “омонцы” объясняют утверждать своё присутствие на поле, принадлежащем бандитам: они просто их бьют. Ситуация тонкая: мент, применяющий силу без приказа и вне закона, — хуже бандита, хотя внешне, вроде бы, есть за что бить тех, кто сами живут насильем. К сожалению, Захар не дал слова бандитскому пахану Буцу. Ведь тот мог бы объяснить в двух словах: “Разница между нами, братвой, и вами — мордами автоматными, — сказал бы Буц, — в том, что мы за эти тапки, этот вискарь и этих шлюх сидели, сидим и будем сидеть. Или лежать. А вы боитесь. Это ты говоришь, что ты без формы даешь. На самом деле, ты всегда в ней, даже на бабе. И только потому, что ты это знаешь сам, ты пришел сюда. Увольсь — и мы больше не встретимся, так? Вот и выходит, что овца ты — элементарных вещей не понимаешь...”

Демарш омовцев “без формы” не может ничего изменить. Слуги государевы остаются слугами, а красотки выбирают главарей. Поэтому самой главной в “Восьмерке” мне кажется фраза-крик Аглаи: “Я всем вам даю от силы, и только ему — от слабости”.

Как это случается в произведениях Прилепина, герои его почти сплошь состоят из атрибутов. У них есть форма, алкоголь, бицепсы, мелочь по карманам, есть родители, есть слова, есть перемещение в пространстве. Но из бихевиористического набора вещей и движений очень смутно проступает личность. Или не проступает личность, потому что крушит бандитов “с отвратительным хрустом” — возвращаясь к этому вновь и вновь — личность, такая, какую нам хотелось бы её себе представить, не в состоянии. Сцена с посещением поверженных и забитованных (местами — загипсованных) братьев в больнице рисует глубокую аморальность служивых — такую способную явить лишь редкий уголовник. Или вот — Грех, один из четырёх друзей, реагирует на подружку уже побитого им парня: “Проходя мимо, она обозвала Греха дурным словом. Грех тут же, не раздумывая, гулко впесал ей тыльную сторону знутого совка по заднице. Девка хэкнула зорлом так, словно слово, которое она собиралась произнести, выпало наземь, да так и не нашлось”.

Такой вот произойдёт несчастный случай — я не про девку, а про самих ребят. Несколько дней назад каждый из них мог подумать о себе как-то вот так: “Являясь самозваным опричником при новых порядках, я всё удивлялся, отчего наша опричная злоба никому так и не пригодились, — впрочем было спросить у государя, почему он столь глуп и слаб? Гонять работяг с мёртвых цехов — дело нехитрое, но отвратное; нам бы боярина какого-нибудь проверить на измену. Но бояр наша опричнина не касалась никогда”.

Теперь же их пафос оказался на грани самой бездумной “мусорской” “правоты”, которая разлита по нашей стране издавна, приторно-лжива, односторонняя и непростительная, как измена, — ибо она зло и творит зло, а никакую не справедливость, что бы там ни хотелось думать обутым в ликующие сапоги.

Автор “Восьмёрки” последователен, он доводит дело до конца; бал окончен и “Восьмёрка” превращается в тыкву. “Запахло жареным” и выяснилось, что парней объединяет не дружба, а общая неустрашенность, скука, социально-служебная роль и общая же обиды на порядок вещей. Страх ответственности моментально нейтрализует скрепы эти и каждый остаётся, как и был, один.

Самое время для рефлексии, как всегда, впрочем, практически бесполезной: на самом деле человек всегда всё знает заранее, но раздумий, а если не знает — то надо просто ждать и жить дальше: понимание придёт. А вот Глазня пропала, потому что хоть и случайно, но погиб Буц. И ей некому давать от слабости, а каждый, кому она даёт от своей силы, — отпивает почти её крови. Вот такая она была, Аглая (это почти готовый верблюд, Захар здесь на безусловной высоте): “Можно было бы пойти дальше, хотя бы по пояс забрести — не такие, как она, пираньи,

не то что рвут на волокна чресла наивным пловцам — это ещё ладно, — они перекусывают какую-то непонятную жилу, без которой сразу не хочется жить, хотя некоторое время совсем не чувствуешь боли”.

Пропорция плохих дорог и дураков в России, кажется, уверенно смещается в сторону последних. Теоретически, новый кризис доходов и расходов может отбросить это соотношение на десять лет назад. Но мне кажется, что наши проблемы могут, в значительной степени, быть описаны в иных терминах. “Тупые ублюдки” — вот наш бич.

Но художник — не лекарство, он — боль, и Захару Прилепину спасибо уже за то, что в своих книгах он обозначил эту проблему, которая у него самая важная: проблему парней, молодых мужчин, что никак не умеют стать мужчинами. Страна держится на му-

Максим
ЕРШОВ

жиха, но только именно страна — как образованная, где связь поколений подразумевается в бое курантов. Если этого нет, то остаётся констатация, в случае Прилепина — не причины, а следствия, ибо дальнейшее разбирательство в причинах ведёт к неполиткорректным выводам. Художник — это боль, и не его вина, что Хирург отстранен от операции...

Отец — центральная фигура прилепинских рассказов. Он великий своей превосходит даже обожаемого писателем женщину. Есть в этом почти адиповское, хотя ведь тема отца — она, в самом деле, одна из главных в жизни — как это было до 21 века. И в свете сказанного, читателя не может быть короче: “У отца были самые красивые руки в мире. Он умел ими запирать лошадей, пахать, косить, срывать высокие яблоки, управлять лодкой... очень далеко заплывать в отсутствие лодки, ходить по суше мотоцикл, автомобиль, грузовик и трактор, строить бани и дома, рисовать тушью, маслом и акварельными красками, лепить из глины, вырезать по дереву, весело играть в волейбол и в теннис... писать стихи, показывать фокусы, завязывать редкостные морские узлы и пелти, красиво нарезать хлеб, ровно разливать водку, профессионально музицировать на аккордеоне, баяне, гармошке и гитаре, в том числе проделывать это на любых свадьбах, попутно ровно разливая водку, гладить свои рубашки, гладить меня по голове, но это режет... Я ещё не знал, что не унаследую ни одно из его умений. Наверное, я могу погладить себя по голове, но ничего приятного в этом нет” (“Лес”).

Отцы — небогатые и незамеченные — они мужики. В разной степени, но они состоялись в роли добрых богов. Пахучий и звонкий, такой бог чрезвычайно рукаст, умел, он, в первую очередь, *homo faber* — человек, манипулирующий миром, хотя бы вот — миром в первом приближении. Интеллектуальные качества и конкретные достижения его не так уж важны, ибо он один на свете, он — мост от сына до солнца, от роста до семени. Даже потом, двадцать лет спустя, многое и многое остаётся в его власти, потому что само его имя — волшебство, которое, словно слово Творца, приказывает жизни — быть:

“На берегу стоял мальчик в чужой, взрослой куртке, в свете лампы было заметно, что золотые ноги его усеяны котарами. Подбородок его был высоко поднят и тихо дрожал.

— Папа, — позвал он меня”, “Лес” оканчивается эсхатологично. Вспомним здесь, что и “Патологии” начинаются с истории о спасении мужиком (уже мужиком) тонущего приёмного сына... Захар не скрывает, какая зигидельная тайна подгоревает плутоном в его творческом реакторе. Когда отцы уходят насосем, почти умирают, сыновья — как это предусматривает сложная, простая, сказочная тайна человеческого существа — становятся мужчинами сами, как умеют, даже если для этого надо погибнуть на войне. Экзистенциальное эхо мучительно:

“... Хоть бы научил меня чему-нибудь”, — вырывается у “комоды” — командира отделения из рассказа “Любовь”. Научил. Научил гнуть проволоку и зацеплять ей рычаг водяной колонки. Может быть, важно просто знать, что отец — был? Нет, этого мало.

Потому, что прошлое “не закрыто”, и продолжает стрелять в нас “отличными” пулями.

В рассказах “Грехи” и “Восьмёрки” клубятся парни крепкие и вполне мужественные и... больше я не знаю, что о них можно сказать. Это среднестатистические граждане, которые живут, дышат, млеют от своих подруг, пьют, работают, бросают работать, бьют машины и людей, возвращаются домой, уходят из дома, плачут... Но индивидуальности, которая у мужчин, даже у молодого, даже у юного, — сидит в строении мозга, в строе мысли, в поступке, рождённом воле, и направленной определённой, связанной, основательной мыслью... — такой индивидуальности, выходящей за пределы мира голника, сыскать можно лишь в таких местах, где сам автор, словно дух, “подсекается” в зев момента. Вот они какие, эти “сыновья”. “В ту весну я уволился из своего кабака, где работал вышибалой. Нежность к миру переполняла меня настолько, что я решил устроиться в иностранный легион, наёмником. Нужно было как-то себя унять, любым способом” (“Карлсон”). Кажется вот так: “Пустота переполняла меня настолько, что я решил прислонить её к яркой вывеске иностранного легиона”. Далее: “Мне исполнилось двадцать три: странной возраст, когда так легко умереть. Я был не женат, физически крепок, бодр и весел. Я хорошо стрелял и допускал возможность стрельбы куда угодно, тем более в другой стране, где водятся другие боги, которым всё равно до меня” — на последней фразе и является в героя автор, спасая его от окончательной лёгкости в башке: “После психологического текста на десяти листах психолог ескнул на меня равнодушные брови и устало произнёс: “Вот уже кому позавидуешь... Вы действительно такой или уже проходили этот тест?”. Кажется, психолог подумал ещё: “идеальная машина”.

Сыновья — недоделки и нетопыри. Может быть, это так и надо: не объяснять их, а показывать? И потому нам предстают, частично, подопытные кролики, главное в которых — фактическое движение, из которого и выводится моё недоумение: гомункулусы они, что ли? манкурты? Во всяком случае, неграждане, то ли прилепинского повествования, то ли будущего своей страны: ни крепость кулаков, ни боевой опыт, ни некоторые познания и увлечения, ни быстрота глоток не спасают их от отсутствия каких-либо системных принципов в работе пяти чувств на площади коры головного мозга — в точке сознания. Никакие они. И чем чёрт не шутит: не в этом ли заключается художественная правда как задача Захара Прилепина?

“Тупость” и “ублюдочность” — это слишком категоричные слова, поэтому я беру их в кавычки и назидательно вешаю себе на зеркало. Они сиречь недостаточность, которая превращает жизнь в “форму существования белковых тел”. Но не избавляет сами тела от боли.

Первые “Отцы и дети” совпали у нас с “Бесами”. Совпали и нынешние — от Захара Прилепина. Вот только нет у нас надежды на отцов, ибо сами мы слышим уже это роковое: “Папа”.

О книге Игоря Молотова “Сбитые лётчики”

Удачно подобранные формулировки всегда вызывают уважение. Ибо только чеканные отсечения позволяют груду впечатлений, пустить мысль по проторённой дорожке, подискутировать о данном определении, наконец. Одним словом, заставляют думать.

Евгений БЕРСЕНЕВ

“Сбитая” эпоха и ее герои

Писатель и журналист Игорь Молотов подобрал удачную формулировку героям бурных и бурных 90-х — “Сбитые лётчики” — и поставил её в название книги. Она состоит из воспоминаний об этих самых героях — когто постсоветская реальность разматала по разным политическим лагерам, кто, расправив паруса навстречу тому самому ветру перемен, делал нового себя в изменяющейся эпохе. Её выход ожидается в мае 2017-го в издательстве “Центрполиграф”.

Описания главных фигурантов политических дел в книге даны через призму личного восприятия, порою личного общения с ними. В этом книга чем-то перекликается с бестселлерами Эдуарда Лимонова — “Священные монастыри” и “Книга мёртвых”. Правда, герои Лимонова не ограничены по времени — тут и советская, и эмигрантская, и постсоветская реальность. У Молотова же (а он, кстати, прекрасно знаком с Лимоновым — тот даже написал бурное предисловие к работе) задача — показать пронесящую сквозь личную память, словно шумная монгольская конница, историческую эпоху, показать знаковых персонажей. Понравится или не понравится их выбор автором — дело личного вкуса. Вам не любви использовать персонажи? — рисуйте своими!

Среди персонажей книги — живые и мёртвые. Причем есть как покинувшие этот мир естественной (как Борис Ельцин) и насильственной (как Лев Рохлин) смертью, так и фактически живые, но ушедшие в политическое небытие (Юрий Лужков). К сбитым лётчикам автор отнёс Геннадия Зюганова и Владимира Жириновского, как бы невзначай сделав вывод о предсмертном состоянии нынешней политической системы и её оппозиции. И под политическими биографиями “сбитых лётчиков” можно провести жирную черту. Почти под всеми. Исключение составляет, пожалуй, Владислав

Сурков, который отошёл в тень, но наверняка ждёт своего нового часа, чтобы развернуть свой талант и показать новые грани политического дарования — ибо поэтическое он уже продемонстрировал.

Возможно, найдутся такие кто пожелает оспорить политическую гибель Михаила Касьянова (который в книге предстаёт не в совсем привычном образе — во всяком случае сильно отличается от того персонажа, что подают сегодня с телевизионных экранов), или Григория Явлинского. Автор, кстати, нарисовал возможный альтернативный вариант развития политической биографии этого персонажа, в котором этот вчерашний боксёр и странноватый

край был коммунист Игорь Вольфсон. После того, как ему не удалось стать депутатом в очередной раз, он с женой уехал из страны и несколько лет прожил в Израиле. В Израиле он, как обладатель российского гражданства, принимал участие в российских выборах. И голосовал, как ни странно, вовсе не за “родную” партию — КПРФ, а за либерал-демократов Владимира Вольфовича. Более того, многие известные оппозиционеры в своё время, столкнувшись с невозможностью найти работу, или отсутствием финансирования своих проектов, шли за поддержкой к Жириновскому. И очень многие получали и работу и поддержку. В общем, политика — не набор “пляшущих человечков” по заранее расписанной партитуре, а сложный и многоплановый процесс.

И работа “Сбитые лётчики” это убедительно доказывает.

У книги есть интересный и весьма интригующий подзаголовок — “История русского термидора”. Ещё одна быющая в “десятику” находка автора в море формулировок. Молотов убежден, что приход Путина и очистка политического небосклона — процесс не случайный. “Русский термидор”, который не мог не случиться, — новинка в нашей политологической терминологии. Это явление правление Путина — пока ещё слабо изучено. Автор предлагает свою версию оного и даёт ему обозначение. Было бы неплохо, если бы не вызвало споры и дискуссии, ведь какого-то, пусть

Итак, свой чёрный берет есть у каждого из них. Она же — “псы государевы”: сплоснящиеся без дела опричники, которых не зовут к воеводскому столу, — “омонцы, нищербоды в камуфляжной форме”. Пусть не зовут, но скверну, татьбу и измену опричники выметать должны, так? Остаётся решить, кто виноват во всём, а это понятно с первого взгляда: виноват, кто занял лучшие места в кабаках подле лучших дех. Бандиты. И хоть омовцам невозможно “снимать маски”, обнаруживая свою служебную принадлежность, но город так мал, девятые так глухи, что либо конфликт, либо дружба с бандитами неизбежны. Получается конфликт.

Главная партия в этой уличной саге выпадает девушке, на мой вкус — лучшей девушке у Прилепина. Звать её Аглая, Глазня. Слово орхидея, что проросла на школьной клумбе — она должна цвести в совершенно ином месте. Таких цветов в России, слава Богу, хватает, и большинство из них давали бы повод для национальной гордости, если бы только у них была материальная, семейная почва, чтобы сохранить себя.

Так вот, бедные, как церковные мыши, “омонцы” объясняют утверждать своё присутствие на поле, принадлежащем бандитам: они просто их бьют. Ситуация тонкая: мент, применяющий силу без приказа и вне закона, — хуже бандита, хотя внешне, вроде бы, есть за что бить тех, кто сами живут насильем. К сожалению, Захар не дал слова бандитскому пахану Буцу. Ведь тот мог бы объяснить в двух словах: “Разница между нами, братвой, и вами — мордами автоматными, — сказал бы Буц, — в том, что мы за эти тапки, этот вискарь и этих шлюх сидели, сидим и будем сидеть. Или лежать. А вы боитесь. Это ты говоришь, что ты без формы даешь. На самом деле, ты всегда в ней, даже на бабе. И только потому, что ты это знаешь сам, ты пришел сюда. Увольсь — и мы больше не встретимся, так? Вот и выходит, что овца ты — элементарных вещей не понимаешь...”

Демарш омовцев “без формы” не может ничего изменить. Слуги государевы остаются слугами, а красотки выбирают главарей. Поэтому самой главной в “Восьмерке” мне кажется фраза-крик Аглаи: “Я всем вам даю от силы, и только ему — от слабости”.

Как это случается в произведениях Прилепина, герои его почти сплошь состоят из атрибутов. У них есть форма, алкоголь, бицепсы, мелочь по карманам, есть родители, есть слова, есть перемещение в пространстве. Но из бихевиористического набора вещей и движений очень смутно проступает личность. Или не проступает личность, потому что крушит бандитов “с отвратительным хрустом” — возвращаясь к этому вновь и вновь — личность, такая, какую нам хотелось бы её себе представить, не в состоянии. Сцена с посещением поверженных и забитованных (местами — загипсованных) братьев в больнице рисует глубокую аморальность служивых — такую способную явить лишь редкий уголовник. Или вот — Грех, один из четырёх друзей, реагирует на подружку уже побитого им парня: “Проходя мимо, она обозвала Греха дурным словом. Грех тут же, не раздумывая, гулко впесал ей тыльную сторону знутого совка по заднице. Девка хэкнула зорлом так, словно слово, которое она собиралась произнести, выпало наземь, да так и не нашлось”.

Такой вот произойдёт несчастный случай — я не про девку, а про самих ребят. Несколько дней назад каждый из них мог подумать о себе как-то вот так: “Являясь самозваным опричником при новых порядках, я всё удивлялся, отчего наша опричная злоба никому так и не пригодились, — впрочем было спросить у государя, почему он столь глуп и слаб? Гонять работяг с мёртвых цехов — дело нехитрое, но отвратное; нам бы боярина какого-нибудь проверить на измену. Но бояр наша опричнина не касалась никогда”.

Теперь же их пафос оказался на грани самой бездумной “мусорской” “правоты”, которая разлита по нашей стране издавна, приторно-лжива, односторонняя и непростительная, как измена, — ибо она зло и творит зло, а никакую не справедливость, что бы там ни хотелось думать обутым в ликующие сапоги.

Автор “Восьмёрки” последователен, он доводит дело до конца; бал окончен и “Восьмёрка” превращается в тыкву. “Запахло жареным” и выяснилось, что парней объединяет не дружба, а общая неустрашенность, скука, социально-служебная роль и общая же обиды на порядок вещей. Страх ответственности моментально нейтрализует скрепы эти и каждый остаётся, как и был, один.

Самое время для рефлексии, как всегда, впрочем, практически бесполезной: на самом деле человек всегда всё знает заранее, но раздумий, а если не знает — то надо просто ждать и жить дальше: понимание придёт. А вот Глазня пропала, потому что хоть и случайно, но погиб Буц. И ей некому давать от слабости, а каждый, кому она даёт от своей силы, — отпивает почти её крови. Вот такая она была, Аглая (это почти готовый верблюд, Захар здесь на безусловной высоте): “Можно было бы пойти дальше, хотя бы по пояс забрести — не такие, как она, пираньи,